ПРОТЕСТНЫЕ НАСТРОЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН (ПО ДАННЫМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА)

© 2018 Хаджалова Хадиджат Магомедовна

доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
Институт социально-экономических исследований Дагестанского научного центра РАН
профессор кафедры «Управление проектами и программами»
Дагестанский государственный университет народного хозяйства
367030, Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала, улица Ярагского, д. 75
E-mail: chaha@mail.ru

© 2018 Абдулманапов Салихбек Габибуллаевич

доктор экономических наук, профессор
директор НИИ «Управления, экономики, политики и социологии»
Дагестанский государственный университет народного хозяйства
367030, Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала, улица Ярагского, д. 75
E-mail: salih@mail.ru

Статья посвящена выявлению протестных настроений жителей республики в 2017 г. Проведено сопоставление с аналогичным авторским исследованием 2007 г. Выявлены причины роста напряженности в обществе, факторы протестной активности населения, а также закономерности, определяющие их интенсивность и характер проявления. Результаты оценки социальной напряженности в Республике Дагестан и уровня протестной активности свидетельствуют об обеспокоенности и недовольстве людей в целом социально-экономической ситуацией в регионе.

Ключевые слова: протестная активность, протестные настроения, протестный потенциал, Республика Дагестан.

Введение. В настоящее время современное российское общество в своем развитии переживает период кризиса, который активно проявляется в росте социальной напряженности в различных сферах общественной жизни. Социальный протест является определенным критерием социальной напряженности. Исследование сущности социального протеста и форм его проявления является одним из наиболее важных аспектов изучения и прогнозирования развития общества и предупреждения социальных конфликтов. Возникновение социального протеста как формы выражения неудовлетворенности населения уровнем и качеством жизни является угрозой функционирования экономической системы, способной породить масштабный экономический кризис.

Основная часть. С целью исследования протестных настроений авторами в 2017 г. проведен опрос «Потенциал протеста». Опрос проводился среди 200 респондентов жителей Республики Дагестан, которые отвечали на вопросы: есть ли потенциал протеста в регионе, с чем он связан

и к каким последствиям могут привести те или иные действия протестующих. Подобное исследование было проведено в 2007 г., его и будем использовать как базовый период (выборка — 500 человек) [2].

В опросе приняли участие как сельское, так и городское население республики. Причем, городское (в 2007 г. — 66,8% и в 2017 г. — 66,2%) в три раза превышало сельское вследствие того, что жители сел очень тяжело «идут на контакт». Основная часть опрошенных — женщины (в 2007 г. — 59,6%, в 2017 г. — 56,3%). Основной возраст респондентов приходился на 18–30 лет (свыше 40%) и 31–55 лет (около 40%). Большинство участников опроса — это люди с высшим (в среднем 46%) и со средне специальным (около 20%) образованием.

Оценивая современную ситуацию в соответствии с вышеотмеченными характеристиками, следует отметить, что большинство жителей Дагестана испытывают неудовлетворенность своим положением в обществе, материальными условиями жизни, не доверяют общественным структурам и политическим институтам.

Рассматривая политическую ситуацию 2017 г. в Республике Дагестан, свыше 50% опрошенных расценивают ее как напряженную, а 26,4% — критическую и даже взрывоопасную (см. рисунок 1), притом, что в 2007 г. эта цифра составляла 8,4%.

Также в 2017 г. вдвое сократилась доля лиц, расценивающих политическую ситуацию в республике как «спокойная» (в 2017 г. — 14,0%, а в 2007 г. — 25,2%) При этом жители региона не надеются на какое-либо улучшение ситуации. Если в 2007 г. 57,4% населения надеялось на какое-либо улучшение политической обстановки в республике, то в 2017 г. доля сократилась до 16,4%, и обратная ситуация наблюдается с теми, кто надеялся на какое-либо ухудшение политической ситуации. Их доля увеличилась с 17,8% в 2007 г. до 56,1% в 2017 г. Это, как правило, является следствием недоверия деятельности Главы Республики Дагестан. Если в 2007 г. — 21,2% «полностью и в основном не одобряли» деятельность Главы Республики Дагестан», то к 2017 г. их доля удвоилась (43,7%). Лишь 1/5 часть респондентов постоянна в своем числе и «полностью и в основном» одобряют его деятельность.

По мнению респондентов руководителей республики должно заботить, прежде всего, материальное положение населения (32,2% опрошенных в 2017 г.) порядок в республике (32,1%) и экономическое положение в республике (26,1%). Но между тем большая часть населения (48,0% в 2007 г. и 50,4% в 2017 г.) не надеялись на улучшение благосостояния своей семьи ни через полгода, ни через год (41,2% в 2017 г.). В 2007 г. 27,5% населения считает, что «богатые становятся

богаче, а бедные беднее», а в 2017 г. их число увеличилось еще на 7,7%. Четверть населения (22,3% в 2007 г. и 29,9% в 2017 г.) считают, что «людям у власти нет дела до меня».

Налицо полное недоверие к различным общественным структурам и политическим институтам. Наибольшее доверие отдано мечети (25,9% респондентов в 2007 г. и 35,4% в 2017 г.). Между тем, свыше 15% в 2017 г. не доверяют ни одной общественной структуре. Живя в Дагестане не чувствуют себя в безопасности в 2007 г. 52% населения, а в 2017 г. их доля увеличилась до 65,1%. И если в 2007 г. всего 32% респондентов считали жизнь в Дагестане безопасной, то за два года их доля заметно снизилась и составила в 2017 г. — 20,7%.

Среднемесячный фактический душевой доход у 54,6% семей в 2007 г. доставлял до 3000 руб. В 2017 г. их доля сократилась до 42,4%. С 2007 г. по 2017 г. увеличилась доля семей, получающих доход 3000–5000 в среднем на одного человека. Даже это обстоятельство не помешало 65–70% респондентам в указанные годы расценить материальное положение своих семьи как «семей среднего достатка» и «денег достаточно лишь на необходимые продукты и одежду». И при этом 41,4% респондентов в 2017 г. считают, что для нормальной жизни их семей, доход на одного члена их семей должен составлять 10–20 тыс. руб., а в 2007 г. для основной массы опрошиваемых (36,4%) была указана сумма от 5–10 тыс. руб. Такие массовые стихийные формы воздействия на политику властей принято называть национально-социальным протестом.

Возможность проведения массовых протестов

Рис. 1. Оценка респондентами политической обстановки в регионе
Составлено автором по результатам проведенного исследования и исследования 2007 г. [2]

стов против ухудшения жизненного уровня поддерживали в 2007 г. — 32,% населения, а в 2017 г. — 22,4%. Эта цифра сократилась почти в 2 раза по отношению к 2007 г. (см. табл. 1).

Теоретическую возможность участия в акции протеста признали в 2017 г. 22,4% опрошенных, допуская тем самым возможность массовых акций протеста, поводом для которых может стать снижение уровня жизни населения, неправильные действия или бездействие власти. В 2017 г. результат социального протеста уменьшился по сравнению с 2007 г. в 1,6 раза. Свыше половины респондентов (75,1% — в 2017 г. и 54,6% — в 2007 г.) высказались против личного участия в каких-либо актах протеста.

Потенциальную склонность к протесту в наибольшей степени проявляют сельские жители

ли республики (табл. 2).

Несмотря на снижение показателей протестной активности с 30,4% в 2007 г. до 15,3% — в 2017 г. социальная напряженность, по-прежнему, остается довольно высокой вследствие низкого уровня жизни сельских жителей по сравнению городскими. Городские жители проявляют меньшую склонность к участию в акциях протеста.

В 2017 г. как и в 2007 г., среди жителей республики, идентифицирующих себя с «малообеспеченными и бедными», склонных к проявлению протестных настроений составляло большинство (в 2007 г. — 38,6%, в 2017 г. — 33,7%). Существенное снижение наблюдается среди людей «среднего достатка и богатых»: за 10 лет протестный потенциал снизился с 33,7% в 2007 г. до

Таблица 1. Ответы респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, могут ли состояться в вашем городе (районе) массовые выступления против роста цен и падения уровня жизни населения?»

Варианты	2007 г.	2017 г.
Да, и скорее да, чем нет	36,8	22,4
в том числе: «Вы лично примете участие в массовых выступлениях против роста цен и падения уровня жизни?»		
— да	30,4	15,3
— нет	54,6	75,1
— затрудняюсь ответить	16,2	9,6
Нет, и скорее нет, чем да	49,2	50,9
Затрудняюсь ответить	15,5	26,7
Итого	100,0	100,0

Примечание: Потенциал протеста составляют респонденты, ответившие «Да» на вопрос: Примите ли Вы личное участие в массовых выступлениях против роста цен и падения уровня жизни?»

Составлено автором по результатам проведенного исследования и исследования 2007 г. [2]

Таблица 2. Динамика потенциала протеста респондентов (в %)

Территории	2007 г.	2017 г.
По республике	30,4	15,3
По городам	27,2	9,4
По районам	36,1	21,2

Составлено автором по результатам проведенного исследования и исследования 2007 г. [2]

Рис. 2. Потенциал протеста в зависимости от социальной самоидентификации населения (доля «протестующих» от количества респондентов каждой категории, %)

Составлено автором по результатам проведенного исследования и исследования 2007 г. [2]

9,4% — в 2017 г. (рисунок 2).

Снижение протестных настроений среди различных категорий населения во многом обуславливается улучшением социального самочувствия населения в связи с мероприятиями властей по увеличению заработной платы, пенсий, социальных пособий работникам бюджетной сферы.

По сравнению с 2007 г. доля представителей «группы протеста» сократилась среди лиц, позитивно оценивающих свое эмоциональное состояние, с 32,1% до 29,2% — в 2017 г. А в группе жителей республики, испытывающих негативные эмоции, склонность к проявлению протестных настроений существенно не изменилась (35,3% в 2017 г. против 34,8% — в 2007 г.) (рисунок 3).

В 2017 г. доля представителей «протестной группы» осталась на прежнем уровне среди жителей региона, позитивно оценивающих курс экономических реформ, проводимых Президентом РФ (с 26,5% в 2007 г. до 25,8% в 2017 г.). Среди населения, неодобрительно характеризующего экономическую политику Главы государства и среди тех, кто относится к ней нейтрально, доля «протестующих» не изменилась — с 34,3%

в 2007 г. до 35,6% в 2017 г. и с 32,6% в 2007 г. до 33,8% в 2017 г. (рисунок 4).

В 2017 г. склонность к протесту заметно сократилась среди жителей региона как «полностью и в основном одобряющих деятельность» (с 35,4% в 2007 г. до 11,7% в 2017.), так и «полностью и в основном не одобряющих» Главы Дагестана (в 2007 г. — Президента Республики Дагестан) (с 33,9% до 62,1%, соответственно). Доля «протестующих» значительно сократилась, среди тех, кто с «деятельностью не знаком» и «затруднился ответить» с 30,7% — в 2007 г. до 26,2% в 2017 г. (рисунок 5).

За рассматриваемый период уменьшилось число склонных к протесту среди респондентов, расценивающих политическую обстановку в регионе в целом как «благополучную» и «полужительную» с 35,1% — в 2007 г. до 18,4% в 2017 г. В группе населения оценивающих политическую ситуацию как «напряженная, критическая и взрывоопасная», существенно возросла доля протестующих с 29,1% до 42,9% в 2017 г. (рисунок 6).

Доля «протестующих» среди тех, кто считает, что Республику Дагестан ожидает «улучшение

Рис. 3. Потенциал протеста в зависимости от оценок социального настроения (доля «протестующих» от общего количества респондентов каждой категории, %)
Составлено автором по результатам проведенного исследования и исследования 2007 г. [2]

Рис. 4. Уровень потенциала протеста в зависимости от оценок курса экономических реформ, проводимых Президентом РФ (доля «протестующих» от общего количества респондентов каждой категории, в %)
Составлено автором по результатам проведенного исследования и исследования 2007 г. [2]

Рис. 5. Уровень потенциала протеста в зависимости от оценок деятельности Главы РД (2017 г.) и Президента РД (2007 г.) (доля «протестующих» от общего количества респондентов каждой категории, в%)

Рис. 6. Уровень потенциала протеста в зависимости от оценок политической ситуации в регионе (доля «протестующих» от общего количества респондентов каждой категории, в%)

Рис. 7. Уровень потенциала протеста в зависимости от оценок перспектив политической жизни региона (доля «протестующих» от общего количества респондентов каждой категории, в%)

ситуации» в ближайшее время в политической жизни снизилась с 34,1% — в 2007 г. до 18,0% — в 2017 г., а тех, кто считает, что республику ожидает «ухудшение ситуации» в политической жизни увеличилась с 34% — в 2007 г. до 42,3% — в 2017 г. (рисунок 7).

Кроме того, большинство респондентов (в среднем свыше 50%, (в 2007 г. их доля составляла — 54,6%)) считают, что спокойствие в регионе является большой ценностью, ради которой

можно терпеть определенные материальные трудности. Следует отметить, что при явном доминировании причин, побуждающих к протесту, и серьезном ущемлении насущных жизненных интересов, большинство населения сохраняет здравый смысл и выдержку, которая позволяет Дагестану пережить трудный в социально-экономическом плане период развития экономики без массовых социальных взрывов.

Таким образом, протестный потенциал в

Республике Дагестан с 2017 г. (15,3%) хоть и снизился в сравнении с 2007 г. (30,4%), но по многим позициям обществом высказано крайне неодобрительное отношение ко всей социально-экономической ситуации в регионе, к курсу проводимых экономических преобразований проводимой властью Республики Дагестан.

О своей готовности поддержать акции протеста в 2017 г. чаще других заявляли жители региона, отличающиеся негативными оценками своего экономического положения и социально-экономического самочувствия (около 30%), а также неодобрительно оценивающие деятельность общественных структур и властей (свыше 35%). Однако в сравнении с 2007 г. удельный вес «протестующих» в соответствующих категориях населения заметно сократился. Дальнейшие изменения протестных настроений в регионе будут зависеть от эффективности мероприятий властных структур различных уровней, направленных на улучшение социально-экономического положения населения.

Выводы. Достаточно очевидно, что ситуация в Республике Дагестан, далеко не радужная. И результаты проведенного обследования сви-

детельствуют об обеспокоенности и недовольстве людей в целом социально-экономической ситуацией в регионе. Люди не готовы принимать участие в митингах и акциях протеста. Но если проанализировать ту часть населения, которая может принять участие в акциях протеста, то можно сказать, что здесь люди пойдут, и будут протестовать не против нынешней власти, а будут выступать против сложившейся социально-экономической ситуации. Поэтому можно сказать, что если акции протеста и будут иметь место, то это будут протесты, связанные с ухудшением социально-экономической ситуации в регионе.

Для своевременного выявления «проблемных точек» в социально-экономической региональной политике на ранних стадиях представляется целесообразным проведение независимых регулярных мониторингов. Результаты анализа данных таких мониторингов существенно повысят информативность и эффективность решений органов государственной власти, направленных на локализацию и устранение причин, способных послужить основанием для открытого протестного поведения населения.

Библиографический список

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Р32. Стат. сб. / Росстат. М., 2017. — 1402 с.
2. Хаджалова Х. М. Потенциал социального протеста в Республике Дагестан // Народонаселение. 2008. № 1. С. 139–145.
3. Хаджалова Х. М. Об измерении социальной напряженности (на материалах Республики Дагестан) // Труд и социальные отношения. 2008. № 7. С. 119–127.
4. Хаджалова Х. М. Основные направления повышения качества жизни населения и снижения социальной напряженности в Республике Дагестан // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 3. С. 35–38.
5. Хаджалова Х. М. Корреляционная зависимость качества жизни населения и социальной напряженности // Региональные проблемы преобразования экономики. 2012. № 2. С. 286–294.

Поступила в редакцию 30.06.2018